

должна работать, с актрисой должны работать. Пусть не всегда все получается, пусть не всегда дают то, что хочешь сыграть, но подчас мы сами не знаем, что можем и чего не можем. Иногда так называемая «нелюбимая» роль может стать близкой, стоит только вдуматься в характер, «влезть» в психологию».

Хорошо помню, как Таня сыграла Мурку из «Криминального танго». Мурку, которая умеет «усердно служить и подавать лапку». Сколько равнодушия, мусора в душе этой запутавшейся девчонки, брошенной на про-

человек умеет радоваться жизни, когда он молод не просто потому что ему двадцать с лишним лет. Таню радостно наблюдать. Вспомнили Ленинград, она вдруг хохочет: «Помнишь, в пьесе «Старые друзья» Шура говорит: «Я для тебя, Тоня, на все готов. — А я ему: «Пойди на Аничков мост и поцелуй коня в морду». Смеется... И вдруг серьезно: «Люблю эту пьесу, мою Тоню-Антону. Действительно «сколько там ни мудри, а в жизни есть одно — сделать доброе дело, чтобы потом тебя вспомнили хорошим словом».

Очень легко в этом спек-

желание исследовать силу и бессилие, оставаясь равнодушной только к покою и безмятежности, не выйдут за рамки современного репертуара. И вдруг — «Мещане» Горького. В роли Татьяны Бессеменовой — Татьяна Волкова. Я с волнением ждала премьеры: нет, Татьяна не для Тани, живой, непосредственной, даже порой, экстравагантной.

...Но поднялся занавес.

Можно было бы очень подробно говорить об интересном и неожиданном прочтении пьесы Брестским драматическим театром, о его нравст-

ружающих, но безвольная и пассивная. В этом ее трагедия.

«Понимаешь, Татьяна внутренне больной человек, и никто не понимает ее боли. Она цепляется за все, что может связать ее с жизнью. Ведь она тоже любила театр, книги, она верила им. Теперь это позади. Все ложь. А что правда? Жизнь правда? А чем все они живут? И тут болезненная философия Татьяны, ее недоверие берут верх. Только Нил... Да, Нил — это единственный человек, который дышит, мыслит, говорит свободно. С Нилом хорошо. Он поможет, поймет, он распахнет двери клетки. Но и Нил отталкивает ее. Что же делать? Одна... опять одна?»

Так она рассказывает. А на сцене я это вижу. Зябко поеживаясь, неприкаянная, слоняется Татьяна по дому, в монашеской одежде, с залитыми волосами, очень похожая на старуху. В каменной неподвижности застыло осунувшееся лицо. Но вот появляется Нил. В напряженном ожидании тревожно вспыхивают ее глаза. Она ловит каждое его слово, преследует взглядом, она светится счастьем. Какая же она старуха? Ей всего двадцать восемь. Но Татьяна не нужна Нилу. С ней, вечно стонущей и жалующейся, давно все ясно. Нил не замечает ее. В глазах, минуту назад наполненных радостью, появляется тоска, опять глухо и бесцветно звучит голос.

«Неужели Татьяна хуже других? Она образованна, способна, она страдает из-за своих мещан-родителей, наконец, она женщина, она любит». И Таня вместе со своей Татьяной мучается, ненавидит и презирает ее инертность и безверие. «Я поняла жестокую логику жизни: кто не может ни во что верить, тот не может жить... тот должен погибнуть... Ведь жизнь всегда будет такая же, как теперь... мутная, тесная...» — Это говорит Татьяна Бессеменова, а Татьяна Волкова искренне сочувствует ей: «Ведь действительно, вера в жизнь, в человека, в себя — главное. Иначе жить невозможно».

Кончается спектакль. Ринулись в новую жизнь Нил и Поля, покидает отчий дом Петр, увлекаемый Еленой, убежденный в своей правоте, уходит отец и мать. Остается Татьяна, брошенная всеми, отравленная мещанством и собственной ненавистью.

Эта роль у Тани Волковой самая серьезная. Таня молодая. Впереди большая работа и творческая зрелость И, конечно, сбудутся мечты о сильных и героических характерах современниц, о своей Джульетте и чеховской «Чайке».

Э. АГРАНОВСКАЯ.
г. Брест.

ЧАЙКА ПРОБУЕТ КРЫЛЬЯ

извол судьбы. С трудом верится, что ей всего семнадцать. И только в кабинете следователя — сквозь слезы, размазанную по лицу краску проступает беспомощная растерянность. «Мне так хотелось ее понять, найти правду ее поведения, логику характера. Может показаться странным, но я шла к Мурке со «Дна» горьковской Насти. Только та пропала, а эту защитили. Другое время, другие судьбы...»

Она любит импровизировать, додумывать роль. Конечно, не всегда получается гладко и просто. Таня сама рассказывает о неудачах: «Ввели меня в спектакль «17 мгновений весны» на роль гетановки Греты Дорф. А я думаю, может, она не садистка, но злодейка вовсе, может, она от убеждения идет? Только потом поняла, что садизм и есть их убеждение. А я пыталась «очеловечить» ее, увидеть в ней женщину, мать. Как же, очеловечивши зверя да еще на последнем издыхании! Мне это объясняли — не слушалась. Потом сама поняла». Говорит резко, не давая себе пощады, даже иронизируя над собой. Она не боится ошибок: «Иначе их будет гораздо больше. А ведь мне на сцене всю жизнь жить».

Это очень хорошо, когда

также было выехать на банальном любовном треугольнике, сбиться на пересказ тревожных событий в блокадном Ленинграде. Но здесь театр оказался на высоте. Мягко и лирично рассказали молодые актеры о друзьях, которых не в силах разлучить даже война, о твердой жизненной позиции молодых, о большом человеческом достоинстве. «С Кириллом Кириченко и Виталем Костальцевым хорошо играть. С ними я сама начала понимать, почему моя Тоня сильному и уверенному в себе Володе предпочитает искалеченного Шуру, что именно любовь, а не жалость приводит ее к этому глубоко, рано повзрослевшему парню. Они оба держали меня в напряжении, заставляли думать, страдать. Ведь эта пьеса построена на острой схватке сердец, а здесь очень важна игра партнеров, с которыми можно спорить. Тогда я вместе с Тоней понимала, что детство уходит навсегда, я прощалась с ним, хотелось дурачиться, а на глазах выступали слезы».

Признаться, сначала мне казалось, что ампула Тани Волковой — ее сверстницы со своими переживаниями и радостями, тревогами и волнениями, что способность актрисы в чистоте доносить до зрителя вечные чувства — любовь, верность, уважение, —

венном суде Человека над мещанином, о том, как рассказывал спектакль правду, которой испытывают героев «Мещан». В этом испытании правдой первая не выдержала Татьяна Бессеменова: «Ее вчера тихонько толкнули и — слабая — она сегодня упала». И я думаю, что не ошибусь, если скажу, что в этом спектакле она — самая трагическая фигура. Страшно, когда человек один, когда его никто не понимает, когда он никому не нужен, но гораздо страшнее, когда он не понимает себя, когда уже никто не нужен ему. Если бы Тани Волкова сыграла только это одиночество, все было бы правильно. Но так уже играли многие. Таня искала свой ключ к сердцу Татьяны, свои ходы к ее сознанию. Для того, чтобы сыграть мещанку, по моему, нужно любить и понимать героическое, для того, чтобы вскрыть заземленную философию Ужа, — нужно познать радость горьковского Сокола. Таня не наделяет свою героиню чертами трагедийной обреченности. Вместе с ней она раздумывает над окружающим, оценивает его, отвергает тесный мир, в котором она живет. Говорят, Татьяна не любит жизнь. Нет, вероятно, все же любит. Татьяна тоскует по жизни и мучительно завидует людям, умеющим радоваться ей. Она умнее ок-

Н АША встреча в репетиционном зале театра была несколько необычной. Вокруг бутафория, овощи из папье-маше, гвозди и... шпаги. Таня очень устала (только что окончился спектакль), но об этом только можно было догадываться. Она тут же засыпала меня градом вопросов, и стало совершенно непонятно, кто у кого берет интервью. Впрочем, об этом мы сразу забыли — начался разговор, острый, внезапный — о литературе, о людях, о «единственном городе в мире» (мы обе влюблены в Ленинград) и, конечно, о театре.

Таня очень мало говорит о себе. «Обо мне писать? Нет, лучше напишите о...», — и сразу длинный перечень друзей-коллег: Гриша Белоцерковский и Света Никончик, Иван Мацкевич и Наташа Абрамова, Виталий Костальцев и Николай Ремизов. «Какие это ребята! Интересные и разные!» Она и сама очень разная. То рассеянная, то серьезная, то задумчивая.

— Говорят, нет легких ролей. Есть, просто играть их трудно. Вот если репетируешь, работаешь, короче, мыслить, тогда наверняка сыграешь лучше, чем роль, над которой даже думать не надо.

То вдруг насмешливая, даже злая.

— Талант — от бога? Как же! Конечно, внутреннее богатство и интеллект необходимы актеру, но работа, профессиональная, как говорят, черновая, в тысячу раз важнее. Пойми, нельзя эксплуатировать природные данные и перекидываться из одной роли в другую, надо работать, искать себя. — А потом засмеялась: «Были мы на гастролях в Пинске. Иду после спектакля «Дон-Хиль Зеленые Штаны», а какая-то женщина вдруг руками всплеснула: «Ой! Хильчик идет!» Представляешь, так ласково — Хильчик. Приятно, но...

Об актерах, особенно молодых, говорить очень трудно. Часто бывает так: сыграет актриса роль, вроде бы хорошо сыграет. А потом вторая роль, третья, и глазам своим не веришь — везде одно и то же, всюду она одинаковая — играет себя или то, что удалось в первый раз. Наступает разочарование: «Но ведь — говорит Таня, — талант определяется трудом. Актриса